

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/bxspwi>

Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 2

Пьянкова Людмила Алексеевна

Сибирский государственный индустриальный университет, Россия, Новокузнецк

eLibrary Author SPIN: 7296-4481

<https://orcid.org/0000-0003-1486-5542>

duby.ludmila@yandex.ru

Аннотация: Сконструирован культурно-исторический базис профессиональной идентификации молодежи, в котором ключевым концептом выступает национальный менталитет с неочевидно выраженными особенностями именно русского этноса в силу многоукладности и разновекторности цивилизационной ориентации российского государства. Однако же среди явных аксиологических характеристик в нем выступают ценности коллективизма, неготовность к риску, высокая дистанция власти и отношение к ней как к сакральной сущности, помощь нуждающимся, милосердие и сострадание, исходящие из религиозных традиций, отказ следовать установлениям и предписаниям. Цель – выявить влияние особенностей менталитета на профессиональный выбор молодежи. Феноменологически национальный менталитет – динамичная основа, образованная совокупностью общих аксиологических, когнитивных, мотивационных и поведенческих детерминант представителей соответствующей культурно-исторической группы, проявляемых в широком континууме политических, социально-экономических и культурных условий в оптике формальных и неформальных институтов. Глубинные структуры культуры фиксируют результат процессов интериоризации и опосредования. Они обнаруживают себя через социальные проекции на систему образования, через отношения между слоями общественного уклада, выраженными мотивацией, стимулами, факторами в историческом, правовом, экономическом и культурном полях. Национальный менталитет задает вектор предпочтений предмета, содержания, характера профессиональной деятельности и занятости, а также условий труда. Он позволяет рефлексировать интенции оптантов по поводу освоения номенклатуры и структуры компетенций в ситуации цивилизационного поворота, означающего не только смену промышленно-технологического уклада, но и агрегирующего аксиологические, мотивационные и когнитивные установки, выраженные в готовности следовать нормам коллективизма или индивидуализма, занять позицию по целому ряду индикаторов в отношении западных, восточных или смешанных моделей поведения.

Ключевые слова: менталитет, национальный менталитет, структура менталитета, цивилизационная трансформация, концептуализация, западная цивилизация, восточная цивилизация

Цитирование: Пьянкова Л. А. Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 2. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 2. С. 230–240. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-230-240>

Поступила в редакцию 06.12.2023. Принята после рецензирования 14.03.2024. Принята в печать 01.04.2024.

full article

Mental Concept of Professional Identification in Youth: Part II

Lyudmila A. Pyankova

Siberian State Industrial University, Russia, Novokuznetsk

eLibrary Author SPIN: 7296-4481

<https://orcid.org/0000-0003-1486-5542>

duby.ludmila@yandex.ru

Abstract: The article introduces a cultural and historical pattern of professional identification in young people of Russian mentality. Some national features of professional identification can be characterized as non-obvious due to the multi-structural and multi-vector civilizational orientations of the Russian state. The list of obvious axiological national characteristics includes collectivism, risk aversion, high power distance, sacredness of authorities, relief,

mercy, religion-induced compassion, and violations of rules. Phenomenologically speaking, national mentality is a dynamic foundation formed by a set of axiological, cognitive, motivational, and behavioral determinants shared by most members of a particular cultural and historical community. It manifests itself as a broad continuum of political, socio-economic, and cultural conditions that are reflected in formal and informal institutions. Deep cultural structures define the collective and individual actor of professional identification: they fix the results of interiorization and mediation. They manifest themselves as social projections on the education system in its cultural, historical, social, legal, and economic relations. National mentality sets the vector of preferences for the subject, content, professional activity, employment, and working conditions. It makes it possible to analyze the intentions of optants regarding the development of the nomenclature and structure of professional skills during the civilizational shift. The shift is happening in the industry and technology but it aggregates axiological, motivational, and cognitive attitudes of citizens to the standards of collectivism or individualism, as well as to Western, Eastern, or mixed behavioral patterns.

Keywords: mentality, national mentality, structure of mentality, civilizational transformation, conceptualization, Western civilization, Eastern civilization

Citation: Pyankova L. A. Mental Concept of Professional Identification in Youth: Part II. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(2). 230–240. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-230-240>

Received 6 Dec 2023. Accepted after review 14 Mar 2024. Accepted for publication 1 Apr 2024.

Введение

Цель данной работы – выявить влияния особенностей менталитета на профессиональный выбор молодежи. Тем не менее мы должны отметить, выходя за рамки нашего исследования, что национальный менталитет соотносится с культурно-историческим базисом в том, как общее реализуется в частном: в процессе интериоризации внешнего внутрь и потом опять во вне. Но несмотря на то что менталитет и культурно-исторический базис имеют общую основу в виде культуры и идентичности этноса, они все же представляют разные содержательные слои. Второе понятие отражает накопленный опыт и культурно-историческое наследие определенного народа или социума, а первое – его личностные особенности, выраженные чертами мышления, поведения, установками, ценностями. Мы интерпретируем конструкт *национальный менталитет* как отправную точку для анализа мировосприятия людей, живущих на определенной территории и принадлежащих не только к некоторому этносу, но и имеющих идентичные социально-исторические особенности, значимо влияющие на процесс личностного, профессионального и социального определений субъекта.

В XVIII–XIX вв. проблема национального менталитета стала предметом глубоких исследований в западноевропейской философии, а также в этнической психологии и психологической антропологии [1–5]. Ее изучали социологи (в контексте анализа культурных, социальных и экономических факторов, формирующих национальные особенности

и поведение людей), антропологи (в описании различных культур и народов), историки (через обращение к историческим событиям, имеющим предпосылки в идентичности и культурных традициях), психологи (с позиций исследования индивидуальных и коллективных паттернов национальных групп).

Согласно А. В. Юревичу [6] национальный менталитет представляет собой призму, через которую проступают установки и структуры сознания, свойственные конкретной социальной группе, в том числе представления о мире, обществе, об индивиде в нем. Национальный менталитет детерминирует ценностные ориентации и стереотипы как идентификаторы членов схожих исторических и культурных процессов, живущих в определенной модели мягких и жестких институтов. Он, будучи подвижным конструктом, имеет некий базис, образованный природно-климатическими условиями, традициями, ценностями, представлением о путях развития общества. Национальный менталитет агрегируется в национальном характере, ставшем объектом философской науки на рубеже XVIII–XIX вв. в связи с формированием европейских наций и трансформацией имперского многонационального этноса, прерванного сменой общественного устройства в 1917 г. в России [1]. Данный феномен общественного сознания реализуется по отношению к институциональным нормам и оказывает влияние на них, что отчетливо прослеживается в следующих установках к:

- коллективизму, низкой терпимости к неопределенности как отражениям запроса на стабильность в продолжительные периоды турбулентности в истории государства;
- дистанцированию от власти (позиции «казанской сироты»);
- готовности помочь другим, милосердию и состраданию, глубоко укорененных в православных традициях;
- отказу следовать регламентам, установлениям, видимо, проистекающему от широты души и просторов и др.¹

А. А. Аузан отмечает, что 75 % россиян тяготеют к коллективизму, а 25 % – к индивидуализму². Заметим, что, поскольку Россия представляет разнобразный национальный базис, то сложно говорить о характере именно русского человека – можно, скорее, о некотором его векторе.

Обнаруживая как общее реализуется в частном, отрефлексируем наши фокусировки транслируемых институциональных норм и установлений на примере осуществления процесса стимулирования субъекта к труду в рамках национальных особенностей. Поясним, что данная концептуализация представляет мотивирующие, поведенческие и управленческие влияния. Рассмотрим каждый из концептов более подробно:

- Концепт *усиление побуждения к действию* [7] реализуется посредством сохранения ролевых позиций, аутентичных принятому укладу в жизни советского / российского общества, через отношение к нейтральным стимулам как к чему-то положительному (не поругали – значит уже похвалили), высокую дистанцию власти (отношение к ней как к чему-то сакральному).

- Концепт *конкретизация направлений деятельности* базируется на значимости морально-психологических стимулов, общественного и корпоративного мейнстримов (трансляции в сознание людей представлений о социальной ответственности государства перед гражданами). Реализуется этот концепт мерами сохранения и воспроизводства человеческого капитала. В части формирования ключевых и эксклюзивных компетенций *конкретизация направлений деятельности* выступает условием развития конкурентоспособности, главным фактором экономического роста компании и объектом социально-экономической поддержки. Такие меры конституируют формат общественного

договора между государством и его гражданами, что позволяет нивелировать представление о власти как о чем-то сакральном, снять противоречия между работниками и работодателями, ожидать повышения уровня взаимной ответственности и встать на путь преодоления дисбаланса в структуре занятости и долгосрочного планирования, удовлетворяя запросы представителей И-России (индивидуалистической) и К-России (коллективистской).

- Концепт *управление достижением цели в процессе мотивации персонала* осуществляется через сложную систему оплаты труда, включая параметры, являющиеся второстепенными по отношению к текущему экономическому результату, но считающиеся значимыми для персонала (трудовой стаж работы, стаж работы на предприятии / организации, поощрение результативности прежних профессиональных достижений в виде грамот федерального и отраслевого значения), через дифференциацию в оплате различных групп персонала и др.

Фиксируя нашу оптику национальных особенностей в сфере труда, отметим, что, несмотря на оппозиционность в отношении рыночных форм, ее можно свести к мотивации, роли общественных стимулов и управленческим мерам, ориентированным главным образом на К-Россию, оказавшуюся на периферии общественных процессов в условиях рыночной экономики. Однако рассмотрение основных концептов стимулирования трудовой деятельности как некой рабочей модели, показывающей действие внешних побудителей на субъекта при формировании паттернов его поведения, требует уточнения взаимосвязи стимулов и мотивов. Мотивация персонала адресуется ко всем факторам развития субъекта, а стимулирование позволяет удовлетворить его потребности и сформировать мотивы. Они, в свою очередь, определяют намерения человека.

Результаты

Рассмотренный нами концепт системы стимулирования трудовой деятельности, транслирующий особенности менталитета и общественного уклада как культурно-исторических базисов и частного случая институцирования, показывает мотивационные и управленческие возможности в отношении человеческих ресурсов, которые мы намерены представить в четвертой части единого исследовательского материала в виде стретегем социально-экономического развития.

¹ Аузан А. А. Как связаны экономический успех и религия: аудиолекция. 09.09.2021. URL: <https://arzamas.academy/courses/90/2> (дата обращения: 20.05.2023).

² Там же.

Следуя логике интерпретации процесса и результата идентификации как интериоризации и опосредования, мы покажем прямую и обратную связь между национальным менталитетом и общественным укладом. Национальный менталитет как совокупность установок, поведенческих моделей, ценностей и представлений конструируется в ходе исторического развития этноса и влияет на общественный уклад (структуру и функционирование общества), в котором находят отражение различные парадигмы профориентации:

- 1) психологическая, ориентированная на изучение индивидуальных особенностей оптанта, его интересов, способностей, направленности;
- 2) социологическая, сосредоточенная вокруг социокультурного контекста;
- 3) педагогическая, акцентирующая внимание на образовательных и тренинговых методах, содействующих наращению необходимых навыков;
- 4) методологическая, стремящаяся к интеграции различных подходов и методов для создания комплексной системы поддержки выбора.

В свою очередь, общественный уклад, включая политическую систему, экономические отношения и культурные нормы, формирует и трансформирует национальный менталитет. Так, специфические ценности, убеждения, представления о труде и карьере, формируемые в рамках национального менталитета, могут определять отношение к работе, выбор профессии, степень мотивации и уровень профессионального развития. Доказательная база в этой области включает в себя результаты исследований, статистические данные, анализ культурных особенностей различных народов и многие другие факторы. При всей разработанности данной проблематики основные ее аспекты касаются постсоветского периода преимущественно первого десятилетия XXI в. Рефлексии же последующих лет не в полной мере проясняют, как социально-политические практики детерминируют общественный уклад. Исследователи в большей степени описывают аксиологическое и поведенческое тяготения соотечественников к европейскому мировоззрению. Очевидно, что в обществе существует ценностный поколенческий раскол. Но особенности определяющегося в жизни и профессии поколения, выходящего на рынок труда, еще неоднозначно поняты психологами, педагогами и культурологами.

Обращение к работам Э. Тоффлера, осмысливающего цивилизационную трансформацию, которая инициирует институциональные изменения при смене промышленно-технологического уклада, позволяет обнаружить, как они экстраполируются

на общественный и индивидуальный уровни. При этом изменения отражаются в принципах производства (массовое или индивидуальное), семейном укладе, характере занятости, способах коммуникации и организации общества. Все это реализуется в правилах, структурах власти, отношениях между гражданами и властью, распределении ресурсов и ответственности, что в конечном итоге влияет на личностное, социальное и профессиональное Я [8]. Ретроспекция типологии общества во всемирной истории на основе хозяйственного критерия, подразделенного на доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную эпохи, иллюстрирует трансформацию мотивации и факторов развития общественного уклада [9].

В результате первой волны возникла аграрная цивилизация с господством ручного труда, жесткой социальной иерархией, авторитарной властью, большими семьями. Вторая волна ознаменовалась промышленной революцией, где человек стал придатком машины, произошел переход к массовому производству стандартных изделий. Изменения в техносфере трансформировали семью, политическое устройство, содействовали повышению образовательного уровня и социальной вовлеченности граждан в жизнь общества. Третья волна связана с развитием искусственного интеллекта, переходом к занятости в сфере услуг, компьютерных технологий, с востребованностью работников умственного труда, с ростом роли опосредованной коммуникации [8].

А. В. Мудрик объяснял влияние этноса на отношение к труду природно-климатическими и историко-культурными факторами [10, с. 36]. В. О. Ключевский в качестве укоренившейся реакции на опасность у представителей гористых или болотистых местностей отметил осторожность и тяготение к консервативному жизненному укладу, нежелание перемен. Это подчеркивает связь традиционных видов профессиональной деятельности с особенностями ландшафта [11, с. 52]. Античные писатели (Аристотель и Геродот) и западноевропейские ученые Нового времени (М. Монтень) и эпохи Просвещения (Ш. Монтескье) указывали на очевидную связь профессиональной мобильности и климата региона. Например, они отмечали у представителей теплого климата, локализация которых позволяла вести успешное земледелие, низкую социальную активность, неготовность к смене рода занятий, в то время как у проживающих в зонах рискованного земледелия эти показатели были высокими. В дальнейшем именно они составляли костяк ремесленников и рабочих [12, с. 132].

Репрезентируя прямые и обратные отношения между слоями общественного уклада, где отдельный субъект – мера социального, а общество в индивидуальном виде через инфраструктуру и институты концентрирует свои влияния в виде мотивации, стимулов, факторов в социальном, экономическом и культурном континуумах, проиллюстрируем особенности национального менталитета россиян, влияющие на профессиональный выбор молодежи. Но прежде уточним, что, согласно исследованиям Р. Инглхарта [13], у соотечественников представлены все ценностные типы: рациональность – традиции, самовыражение – выживание [14], обнаруживающие тяготение к И-России и К-России. Это указывает на готовность самореализации на профессиональном поприще одних к самостоятельному социальному действию, а других – к подчинению указаниям руководства, стремлению быть только материально мотивированными.

Такие разновекторные дискурсы находят выражение в ожиданиях оптантов по поводу предмета, содержания и условий труда:

- Молодые люди руководствуются так называемыми традиционными ценностями, приветствующими высокий уровень заработной платы и возможность карьерного роста в качестве едва ли не единственных критериев профессионального выбора. Подобные устремления находят широкое общественное одобрение (это подтверждают многолетний опыт преподавания дисциплин, связанных с рынком труда, поведением человека в организации и его профессиональным определением).
- Ориентация молодежи в сторону западных ценностей (цивилизованность, семейственность, законопослушность и порядок), характер горизонтальных и вертикальных связей между сотрудниками, типов организационной структуры и коммуникативных моделей, которые они ожидают увидеть на рабочем месте в виде норм корпоративной культуры [15]. Согласно исследованиям ВЦИОМ³, у 18–34-летних доминируют установки на западный образ жизни. Из них 50–55 % уверены, что Запад может дать много хорошего России, тогда как взгляды у людей после 35-ти лет меняются на противоположные, и респонденты ориентируются на коллективизм, видят во власти нечто сакральное, готовы от нее дистанцироваться.

- Влияние культуры и образования. Подавляющее большинство выпускников вузов с конца 1990-х гг. до второго десятилетия XXI в. составляли юристы, экономисты, менеджеры, ценность же профессии инженера и рабочих была в это время значительно меньше [16; 17].
- Стремление к общественному признанию и успеху в областях, связанных с коммуникативными практиками и ИТ-технологиями [18]. В текущей ситуации происходит ориентация молодежи на региональные запросы рынка труда, образование же рассматривается драйвером экономического и социального развития регионов, сбалансирования рынков труда столичных агломераций и субъектов РФ.
- Системы стимулирования и мотивации выбора сферы и характера трудовой деятельности работников, детерминированные их культурной идентичностью, представляющие синергию укоренившихся ценностей, обычаев, привычек и особенностей институциональных отношений, составляющих ментальное ядро, от которого расходятся следующие сферы: социально-общественный менталитет и групповой менталитет, образованный профессиональными, гендерными и социальными компонентами, упорядоченными в индивидуальном менталитете личности в виде аксиологических, мотивационных и установочных конструктов (рис. 4).

Исходный ценностно-мировоззренческий базис четко фиксируется в издержках, идущих со стороны институтов и инфраструктуры, реализуемых

Рис. Структура менталитета
Fig. Mentality structure

³ Западная культура: Плохо или хорошо? Результаты опроса ВЦИОМ. *Социальная газета*. 23.08.2022. URL: <https://www.socgaz.ru/obshchestvo/6425-zapadnaya-kultura> (дата обращения: 12.11.2023).

⁴ Сост. по: [7].

в общественном укладе и на разных уровнях системы непрерывного образования как инструмента реализации профессионального определения молодежи, которые следует отрефлексировать и преодолеть [19–22]. Это станет основой для нивелирования аксиологических разрывов и платформой согласия разновекторно и цивилизационно направленных оптантов:

- укоренившаяся тенденция несоответствия ориентиров школы по отношению к занятости и реальной нуждаемости социально-экономического пространства в структуре компетенций и уровня квалификации формирует дисбаланс в соотношении «беловоротничковой» и «синеворотничковой» занятости;
- некоторое рассогласование рынка труда и рынка образовательных услуг, когда уровень специализации выпускников не соответствует запросам работодателей, неравномерно распределяются рабочие места и квалифицированные специалисты, система профессионального образования не всегда отслеживает быстрые изменения в технологиях и не уделяет должного внимания развитию практических навыков, необходимых для конкретных отраслей;
- в высокотехнологических и инновационных секторах наблюдается дефицит кадров главным образом рабочих профессий (токарь, слесарь, фрезеровщик, сварщик, электрик). При том что, согласно официальной статистике, в целом по стране в 2023 г. 60 % 9-классников и 30 % 11-классников отдали предпочтение среднему профессиональному образованию⁵;
- система сетевого взаимодействия между образовательными учреждениями и бизнес-сообществом оставляет желать лучшего в части внедрения практического опыта в теоретико-прикладной подготовке в профессиональном образовании, обратной связи и мониторинга промежуточных и итоговых результатов по местам прикрепления практик;
- учебно-методическая база образовательных учреждений не в полной мере закрывает имеющийся запрос рынка труда на структуру компетенций;
- целевой посыл образовательных учреждений чаще носит догоняющий характер, хотя они должны задавать повестку реиндустриализации страны, а значит, корректировать и ментальные ориентиры оптантов.

При всех упущениях и издержках образовательная система продолжает оставаться значимым агентом профориентации молодежи, используя широкий диапазон применяемого инструментария: информирование о различных профессиях, их требованиях, возможностях и перспективах, формирование компетенций в виде стажировок, проектной работы, практических занятий, менторства и консультаций для диагностики имеющихся возможностей, их соответствия требованиям профессии и пр. Эти и иные целевые установки реализуются, как нами отмечалось в 1 части статьи, в программах *Единая модель профессиональной ориентации, Билет в будущее* и др.

Признавая, что в структуре менталитета российских граждан отчетливо проступают особенности западной и восточной цивилизаций, реализуемых в отношении профориентационных мер, отметим, что аксиологические базисы все же представляют смешанный конструкт, поскольку Российская Федерация – многонациональное и многоконфессиональное государство. Тем не менее они могут быть сведены к следующим тезисам:

- опора на религиозные и моральные тяготения, отражающиеся в кодексе профессиональной этики, религиозных установлениях и общественных нормах (в медицинской сфере и психологическом консультировании декларируются принципы гуманизма, доверия и ответственности перед пациентом / клиентом);
- российская культура и история включают в себя разнообразные философские и религиозные традиции, которые имеют длительный опыт сосуществования и взаимодействия в профессиональных, социальных и межличностных ситуациях членов одного культурно-исторического социума (секулярное философско-правовое мышление уравнивает всех представителей религий; в рамках коммуникативной теории в социокультурных, ментальных контекстах значимым признается принцип *коммуникативного согласия*; в традиционной идеациональной нормативной системе доминируют духовно-нравственный и морально-правовой типы идентификации [23, с. 9];
- установки на открытость и взаимодействие способствуют активному обмену идеями и опытом между людьми; открытость является важным принципом отечественного образования, так или иначе связанного с синергетическим

⁵ Голикова: более 60 % девятиклассников поступили в колледжи в 2023 году. *РИА Новости*. 02.10.2023. URL: <https://ria.ru/20231002/kolledzh-1899886988.html> (дата обращения: 12.11.2023).

- подходом (А. Баблюяц, И. Пригожина), реализуемым на основе конвергенции знаний [24; 25];
- примат коллективного над индивидуальным, детерминированный ведущей нравственной идеей жертвенности в коллективном бессознательном соотечественников, усиленный чувством вины (главный церковный праздник русских, олицетворяющий возрождение, – Пасха) [26, с. 84], в том числе обусловленный образом жизни сельской общины, доминирующей религией православия, проповедующей благотворительность и взаимопомощь, а также длительной пропагандой в советский период идеи кооптации, семейных и коммуникативных ценностей, транслирующих общение с близкими и др. [27];
 - сакрализация власти в сознании народа при его дистанцировании от нее [26, с. 85–88];
 - использование рационализации и интуиции как методов познания и принятия решений в процессе управленческой деятельности [28, с. 191–192], что отражает как западный, так и восточный образы мышления, стремление прийти к консенсусу при некоторой внутренней противоречивости;
 - гибкость и адаптивность менталитета соотечественников, транслируемые на аксиологический и поведенческий уровни, имеющие архетипические корни в антагонизмах – долготерпении и радикализме [29, с. 203].

Указанные особенности, проявленные в ответ на цивилизационные трансформации в функционировании мягких и жестких институтов, можно отнести к западному менталитету. Например, в политике – при смене режимов, в экономике – при переходе от индустриального к информационному обществу, развитию новых отраслей и технологий, в социальной сфере – в изменении взглядов на гендерные роли, права и свободы людей, в культуре – в проявлении новых течений, направлений в художественном творчестве, изменении образа жизни поколений, в технологиях – в ходе развития и внедрения информационных, коммуникативных, управленческих технологий. Репрезентацией же восточного менталитета является закрытость, следование семейным и культурным традициям и принятие общественных установок, ориентация на коллективный успех, неготовность к переменам, тяготение к внерациональным формам познания. Такое аксиологическое и поведенческое смещение обусловлено географическим, культурным и историческим контекстами. Территория страны находится и в Европе, и в Азии, в каждом ее регионе проступают черты четвертого и пятого промышленно-технологического

укладов, но где-то встречается и третий, что обнаряживает мировоззренческую противоречивость соотечественников.

Линии сравнения, исходя из культурных, исторических и политических аспектов ментальных предпочтений, представляют ориентации в построении личностной и профессиональной траекторий (табл.).

Рефлексия обозначенных ментальных особенностей на индивидуальном и общественном уровнях, перезапуск системы профориентации в сторону рациональной подготовки мобильных кадров для экономики регионов путем согласования рынка труда и рынка образовательных услуг, отрегулирования сетевого взаимодействия позволяют отчасти сгладить ценностно-мировоззренческие различия И-России и К-России и выступают основой для реализации миграционной политики в ситуации острого дефицита кадров на рынке труда.

Заключение

Культурно-историческим базисом для формирования ментальной концепции профессиональной ориентации молодежи выступает феномен *национальный менталитет российского общества*, в котором значимо проступают установки западного и восточного образов мышления, представляющие, с одной стороны, полярные векторы личностной, социальной и профессиональной идентификаций, а с другой – их комбинаторику в условиях длительного многоукладного сосуществования в сходных культурно-исторических, социально-экономических и политических условиях, отраженных в действии формальных и неформальных институтов. Для сравнения разноукладных ценностно-мировоззренческих тяготений нами определены как индикаторы особенности менталитета, связанные с функционированием формальных и неформальных институтов: восприятие мира, фиксирующее методы познания и принятия решений, предпочтение индивидуализма или коллективизма, отношение к власти / закону, собственности и прогрессу и представление о духовности, репрезентирующей опыт, веру, этические и моральные установки как отражение экзистенциального и антропологического индивидуального и коллективного опыта. В отечественном национальном характере проявляются как ценности коллективизма (неготовность к риску как отражение запроса на стабильность и устойчивость в продолжительные периоды турбулентности в истории государства; отношение к власти как к сакральной сущности; помощь нуждающимся, милосердие и сострадание, представленные в религиозных традициях; отказ следовать установлениям, видимо,

Табл. Основные черты представителей западной и восточной цивилизаций

Tab. Western and Eastern civilization: key features

Линии сравнения	Восточная цивилизация	Западная цивилизация
Коллективизм / Индивидуализм	На первом месте находятся коллективные и семейные интересы, а также способность к солидарности	Главные ценности человека: индивидуальность, свобода, саморазвитие и самоутверждение
Спиритуализм / Рационализм	Внимание на философских и духовных аспектах жизни, гармонии с природой и космосом	Основание – научный подход, логика и эмпирика
Клерикализм / Секуляризм	Нередко связаны	Разделение религии и государства
Монизм / Плюрализм	Доминирование традиционности, принятой идеологии, которая транслируется как единственно верная	Принятие и поощрение когнитивного и культурного разнообразия
Следование традициям / Технологический прогресс	Неоднородное, зависит от конкретной культуры и страны (Япония и Южная Корея в определенной мере следуют традициям, а Индия и Китай делают ставки на инновации и научно-технологическое развитие)	Находится на фронтире научных, технологических и инновационных достижений
Отношение к закону	Гибкое отношение к закону, выступающему как инструмент поддержания гармонии и стабильности, а не в качестве единственного руководства для поведения. Важнее устои, обычаи, влияющие на принятие решений и поведение людей	Следование принципу верховенства закона, который является основой для регулирования общественных отношений и применяется равным образом ко всем гражданам
Отношение к власти	Достаточно иерархическое (особенно в странах Восточной Азии). Власть ассоциируется с сакральной сущностью. Уважение к старшим и авторитету играют ключевую роль. Может быть более централизованная система власти с широкими полномочиями	Существует принцип разделения властей и ограничение полномочий правительства, особенно в странах с демократическими системами управления. Отношение граждан как к деловому партнеру

проистекающим от широты души; желание переступить за границы и др.), так и западные ценности, разделяемые по большей части поколением 18–34-летних.

Влияние формальных и неформальных институтов на экономическое поведение, функционирование рынков и экономический рост находятся в предметном поле институциональной экономики. Однако напрямую она не задается вопросом о роли мягких и жестких институтов в личностной, профессиональной и социальной ориентациях. Эта проблема актуализируется в связи с влиянием институциональных изменений на экономическую эффективность и развитие.

Национальный менталитет – подвижный конструкт, образующий совокупность общих ценностей, убеждений, норм и образа мышления, характерных для определенной культурно-исторической общности. Он фиксирует общественное влияние, спроецированное на социально-экономические условия, и представлен жесткими и мягкими институтами

в индивидуальном сознании в виде ценностных ориентаций и стереотипов поведения, определяющих векторы идентификации. Влияние национального менталитета на профессиональную ориентацию проявляется различно через: социальные ожидания общества в отношении выбора профессии, где действуют установки, ограничения, предубеждения относительно некоторых сфер деятельности, что оказывает влияние на оптантов; трансляцию традиций и профессиональных навыков в поколениях; культурные ценности как оптику предпочтений цивилизационного уклада; образовательную систему, агрегирующую ожидания общества, государства и рынка труда в отношении предмета, содержания, характера, условий труда и компетенций. Наряду с личностным и социально-экономическим базисами национальный менталитет значимо влияет на когнитивные, аксиологические, поведенческие и мотивационные структуры готовности к субъектному, социальному и профессиональному определению.

Он не является единственной детерминантой мировосприятия и идентификации субъекта, но его формирование можно обнаружить в общественных практиках, включая образование, управление, политику, социальные и экономические сферы, чему и будут посвящены наши дальнейшие рефлексии в рамках единого исследовательского материала.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Миненко А. Г. Русский национальный характер: основные подходы к исследованию. *Идеи и идеалы*. 2012. Т. 2. № 3. С. 86–97. [Minenko A. G. Russian national character: The main approaches to the study. *Idey i idealy*, 2012, 2(3): 86–97. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pekvdb>
2. Кашаев В. Е. Национальный характер: опыт философского исследования. Иваново: ИвГУ, 2000. 141 с. [Kashaev V. E. *National character: Experience of philosophical research*. Ivanovo: IvSU, 2000, 141. (In Russ.)]
3. Исаенко В. П., Смирнов Д. В. Слагаемые менталитета русского народа. *Вестник академии детско-юношеского туризма и краеведения*. 2018. № 3. С. 7–20. [Isaenko V. P., Smirnov D. V. Components of Russian mentality. *Bulletin of the academy of children's and youth tourism and local lore*, 2018, (3): 7–20. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rquiaq>
4. Борзова Е. П., Лебедев С. П. Русский характер, православный культурный код и менталитет российского народа. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2021. Т. 22. № 4-2. С. 145–162. [Borzova E. P., Lebedev S. P. Russian character, orthodox cultural code and mentality of the Russian people. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 2021, 22(4-2): 145–162. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ttdcjh>
5. Аникеева Е. Н., Семушкин Л. В. Диалог цивилизаций: Восток – Запад. *Вопросы философии*. 1998. № 2. С. 173–177. [Anikeeva E. N., Semushkin L. V. Dialogue of civilizations: East – West. *Voprosy filosofii*, 1998, (2): 173–177. (In Russ.)]
6. Юревич А. В. Структурные элементы национального менталитета. *Психологические исследования*. 2013. Т. 6. № 29. [Yurevich A. V. The structural elements of national mentality. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2013, 6(29). (In Russ.)] <https://doi.org/10.54359/ps.v6i29.702>
7. Затепакин О. А., Пьянкова Л. А., Грекова Н. Ю. Стимулирование трудовой деятельности. Новокузнецк: СибГИУ, 2021. 183 с. [Zatepyakin O. A., Pyankova L. A., Grekova N. Yu. *Stimulation of Labor Activity*. Novokuznetsk: SibSIU, 2021, 183. (In Russ.)]
8. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2009. 795 с. [Toffler E. *The Third Wave*. Moscow: AST, 2009, 795. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qokocn>
9. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 944 с. [Bell D. *The coming post-industrial society: A venture of social forecasting*. Moscow: Academia, 2004. 944. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qocvvp>
10. Мудрик А. В. Введение в социальную педагогику. М.: Институт практической психологии и психоанализа, 1997. 365 с. [Mudrik A. V. *Introduction to Social Pedagogy*. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza, 1997, 365. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tnpjlh>
11. Ключевский В. О. Исторические портреты. М.: Правда, 1990. 622 с. [Kliuchevskii V. O. *Historical portraits*. Moscow: Pravda, 1990, 622. (In Russ.)]
12. Мищенко В. А. Национальный менталитет, как особый фактор формирования профессиональной мобильности. *Сибирский педагогический журнал*. 2010. № 8. С. 128–135. [Mischenko V. A. National mentality as a special factor to form professional mobility. *Siberian Pedagogical Journal*, 2010, (8): 128–135. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/peurfd>
13. Inglehart R., Oyserman D. Individualism, autonomy, self-expression: The human development syndrome. *International Studies in Sociology and Social Anthropology*, 2004, 74–96. https://doi.org/10.1163/9789047412977_008
14. Магун В. С., Руднев М. Г., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2015. № 3-4. С. 74–93. [Magun V. S., Rudnev M. G., Shmidt P. Russian basic human values through the lens of the european value types. *The Russian public opinion herald. Data. Analysis. Discussion*, 2015, (3-4): 74–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2015-00020>

15. Ионова Е. В. Отношение населения России к ценностям западной культуры (по материалам г. Астрахани). *Вестник Саратовского государственного технического университета*. 2008. № 32. С. 248–252. [Ionova E. V. The attitude of Russians to values of the Western culture (on materials of Astrakhan). *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2008, (32): 248–252. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jtwmmf>
16. Семеко Г. В. Основные тенденции в сфере подготовки кадров экономистов в России (1990–2005). *Экономические и социальные проблемы России*. 2006. № 1. С. 129–147. [Semeko G. V. The main trends in the field of training economists in Russia (1990–2005). *Economic and social problems of Russia*, 2006, (1): 129–147. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/haupij>
17. Краснопевцева И. В. Профессиональный дисбаланс рынка труда квалифицированной рабочей силы. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2013. № 3-1. С. 315–321. [Krasnopedtseva I. V. Disproportions in terms of occupations in the skilled labour market. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2013, (3-1): 315–321. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rapxdv>
18. Гамидова Н. В. Глобализация и менталитет молодежи. *Общество и право*. 2016. № 2. С. 337–341. [Gamidova N. V. Globalization and youth mentality. *Society and Law*, 2016, (2): 337–341. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wibzet>
19. Дворядкина Е. Б., Ефимова Е. Г. Региональная система профессионального образования: понятие и сущность (на примере индустриального региона). *Региональная экономика и управление*. 2018. № 3. [Dvorjadkina E. B., Efimova E. G. Regional system of vocational education: Concept and essence (on an example of an industrial region). *Regional economy and management*, 2018, (3). (In Russ.)] URL: <https://eee-region.ru/article/5513/> (дата обращения: 02.01.2023). <https://www.elibrary.ru/yajgqh>
20. Затепакин О. А., Казанцева Г. Г., Иванова Е. В., Домнышев А. В. Экосистемный подход к формированию профессионального потенциала региона в условиях цифровой трансформации. *Human Progress*. 2022. Т. 8. № 1. [Zatepyakin O. A., Kazantseva G. G., Ivanova E. V., Domnyshev A. V. Ecosystem approach to the regional professional potential formation in the digital transformation conditions. *Human Progress*, 2022, 8(1). (In Russ.)] <https://doi.org/10.34709/IM.181.7>
21. Садовая Е. С., Сауткина В. А., Зенков А. Р. Формирование новой социальной реальности: технологические вызовы. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 190 с. [Sadovaya E. S., Sautkina V. A., Zenkov A. R. *Formation of a new social reality: Technological challenges*. Moscow: IMEMO, 2019, 190. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0564-2>
22. Лысенко В. Г., Харина Н. В., Янькин Д. В. Особенности профориентационной работы с обучающимися в новых социально-экономических условиях. *Опережающая профессиональная подготовка кадров в условиях образовательно-технологического кластера для социально-экономического развития региона: Межрегион. науч.-практ. конф. (Томск, 19 декабря 2019 г.)* Новосибирск: Золотой колос, 2019. С. 101–108. [Lysenko V. G., Kharina N. V., Iankin D. V. Features of career guidance work with students in new socio-economic conditions. *Advanced professional training of personnel in the conditions of an educational and technological cluster for the socio-economic development of the region: Proc. Interreg. Sci.-Prac. Conf., Tomsk, 19 Dec 2019*. Novosibirsk: Zolotoi kolos, 2019, 101–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yslzyl>
23. Фоминская М. Д. Соотношение веры и разума в постсекулярном мире: «возвращение» религиозной проблематики в западноевропейский философско-правовой дискурс. *Философия права*. 2015. № 1. С. 7–11. [Fominskaya M. D. Correlation between faith and intellect in post-secular world: "Return" of religious problems to the Western philosophical and legal discourse. *Philosophiya Prava*, 2015, (1): 7–11. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tniodh>
24. Зубарева К. А. Открытость как феномен современного образования. *Педагогическое образование в России*. 2012. № 3. С. 6–10. [Zubareva K. A. Openness as a phenomenon of modern education. *Pedagogical education in Russia*, 2012, (3): 6–10. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pbhfn>
25. Баксанский О. Е. Мировоззрение будущего: конвергенция как фундаментальный принцип. *Педагогика и просвещение*. 2014. № 3. С. 17–29. [Baksansky O. E. World view of the future: Convergence as a fundamental principle. *Pedagogy and education*, 2014, (3): 17–29. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2306-434X.2014.3.13521>
26. Максименко А. А. Российские управленческие практики с позиции ценностно-рационального подхода. Фрагмент 2. *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 10. С. 83–89. [Maksimenko A. A. Russian management practices in the context of the value-rational approach. Fragment 2. *Theory and Practice of Social Development*, 2013, (10): 83–89. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/refxwd>

27. Лапин Н. И. Модернизация базовых ценностей России. *Социологические исследования*. 1996. № 5. С. 3–23. [Lapin N. I. Modernization of the basic values of Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1996, (5): 3–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mouhoh>
28. Бурькин Е. С. Соотношение рационального и интуитивного в рамках принятия оптимального управленческого решения. *Вестник Московского финансово-юридического университета*. 2022. № 2. С. 190–201. [Burykin E. S. Ratio of the rational and the intuitive in making an optimal management decision. *Vestnik Moskovskogo finansovo-iuridicheskogo universiteta*, 2022, (2): 190–201. (In Russ.)] https://doi.org/10.52210/2224669X_2022_2_190
29. Писанова Т. В. Современные проекты национально-культурной идентичности в странах – партнерах СНГ. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2018. № 1. С. 200–215. [Pisanova T. V. Modern projects of national and cultural identity in CIS countries partners. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2018, (1): 200–215. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xqrotj>